

ЛЬВОВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО И ЕГО ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ В XIV ВЕКЕ

**(К истории экономических связей между странами
Восточной и Западной Европы в XIV—XV вв.)**

Историки, изучавшие экономические связи Западной Европы со странами Восточной Европы и передней Азии в XII—XVI вв., главное внимание уделяли морским торговым сношениям, которые велись по Средиземному морю (левантийская торговля) и Балтийскому морю (торговля Ганзы). Но почти совершенно в тени оставались сношения по суше, по путям, шедшим через всю толщу европейского континента, во-первых, между двумя морями—Черным и Балтийским, а затем в широтном направлении с востока на запад через всю Центральную Европу.

Северо-западное побережье Черного моря от устья Днепра до Дуная с Белгородом, Четатеей Альбой как главным исходным пунктом, Днестр, восточные предгорья Карпат, Львов, Торунь, Гданск—вот главные этапы Черноморско-Балтийского пути. Путь на запад отходит от Львова на Краков и далее или на Вроцлав, Лейпциг, Эрфурт, Кельн, Фландрию или Краков, Прагу, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Майнц и по Рейну в Нидерланды. Изучение торговых сношений по этой трансъевропейской магистрали—своего рода сухопутной параллели к морской балтийско-ганзейской торговле—представляет большой интерес для историков трех стран: Советского Союза, Польши и Германии и может быть исчерпывающе осуществлено только их совместными усилиями.

Советскому историку следует, как нам кажется, начинать работу с изучения торговой деятельности в этих двух направлениях купечества Львова в XIV и XV вв., так как и для черноморско-балтийской торговли XIV—XVI вв., и для восточной части трансъевропейской торговой магистрали одним из важнейших, по общепризнанному мнению, если не важнейшим центром, являлся Львов. Мы ограничимся в данной статье изучением только XIV в.: систематической проработкой важнейшего и наиболее полного из дошедших до нас львовских материалов XIV в.—сборника решений львовского городского суда.

В Львове, как и в других городах, управлявшихся по Магдебургскому праву, судебные функции отправлялись двумя орга-

нами. Суд по некоторым делам входил в компетенцию городского совета—Рады (Senatus, Officium consularis), состоящего из шести членов—райцев или советников (consules) под председательством бургомистра (Proconsul). Но специальным судебным органом являлся «Скамья», «Лав» (Judicium civile), состоящая из выборных присяжных заседателей—«лавников» под председательством первоначально наследственного войта (Advocatus). В XIV в. компетенция и делопроизводство этих двух судебных органов, по-видимому, еще не были строго разграничены. Дошедшая до нас древнейшая львовская судебная книга содержит в себе записи решений по делам, рассматривавшимся как в Раде, так и в Лаве, но большинство этих записей все же относится к компетенции Лавы: преимущественно это—споры, возникавшие при покупке, продаже, залоге недвижимостей, при наследовании, более редки записи, касающиеся чисто торговых дел. Книга была начата вскоре после пожара в 1381 г., уничтожившего все старинное делопроизводство Львовского совета и суда, и охватывает период с 1382 по 1389 гг. Источник этот был издан А. Чоловским в 1892 г.¹

В экономической жизни Львова XIV—XV вв. две национальные группы населения занимают видное, если не господствующее место. Это армяне и немцы. Попытаемся возможно более конкретно «обрисовать их торговую деятельность.

В старой исторической литературе² появление армян на черноморско-балтийских путях в Молдавии и Польше связывают обычно с большой национальной катастрофой. В 1375 г. мамелюкский султан Шабан захватил Малую Армению и ее столицу Сис. После гибели государства армянские беженцы, спасшиеся от резни и погрома, осели частью на островах Эгейского моря, частью в генуэзских колониях Крыма. В Кафе образовалась довольно многочисленная армянская колония. Из Крыма армяне продвинулись и дальше на северо-запад, в Молдавию и Польшу. По позднейшим исследованиям появление армян в Польше следует отнести к более раннему времени: уже в 1356 г. в Львове засвидетельствована колония армян³. Наши наблюдения, которые приводятся ниже, побуждают нас присоединиться к этой точке зрения. Трудно сказать, было ли вызвано это продвижение в результате их деловых встреч в Кафе с купцами из Молдавии и Польши, или же оно было проявлением собственной предприимчивости армянского купечества.

Нельзя также утверждать, что это продвижение шло только через Крым; весьма вероятно, что дверь в Молдавию и Польшу

¹ Najstarsza Księga miejska 1382—1389. Wydal A. Czolowski. We Lwowie. 1892. (Pomniki Dziejowe Lwowa z archiwum miasta Tom I). Ср. К. Вадеки. Archiwum akt dawnych miasta Lwowa III. Księgi u akta administracyjno sadowe 1382—1787. Lwow, 1935. В дальнейшем при ссылках на этот источник указываются номера документов.

² Nistor. Die auswärtigen Handelsbeziehungen der Moldau im XIV—XVI Jh. 1911.

³ Bächtold. Südwestrussland im Spätmittelalter. Basel, 1951.

явился также Белый город (Cetatea Alba), впоследствии—по взятии Турками—переименованный в Аккерман.

Но теснейшие связи с Крымом и вообще с Черноморьем, каковы бы ни были их происхождение, являются основой торговой деятельности армян в Польше и Молдавии в XIV и XV вв. Эти тесные связи с Кафой и характер торговых операций армянских купцов конца XIV в. отчетливо выступают в завещании некоего Тайчадина, армянина, умершего в Львове в 1376 г. Уже самая дата и содержание завещания показывают, что появление армян и в Кафе и в Молдавии относится не к 1375 г., а к более раннему времени.

Тайчадин, по-видимому, был уже очень давно и очень тесно связан с Кафой. Нет, кажется, ни одной Кафинской церкви, которой он не завещал бы большой или меньший вклад¹. Создается впечатление, что Тайчадин долго жил в этом городе. Он и в последние дни своей жизни имел деловые связи с Кафой. За кафским горожанином, неким Ходжи Мансуром (Chodza Manzur), числилось 60 коп грошей, принадлежавших Тайчадину².

Не ясно, жил ли Тайчадин постоянно во Львове, или только приехал на время по делам, вероятнее последнее. При нем оказалось сравнительно немного товара: 37 камней перца, полкамня муската, несколько золотников (*tres fertonas minus terciā dimidia slotnik*) жемчуга, три фунта хорошего и пять фунтов низкосортного шелка. Кроме того осталось две лошади. Не является ли это косвенным указанием на то, что Тайчадин—приезжий? Но связь Тайчадина со Львовом не ограничивается временными наездами. В Львове живет его тесть—армянин Сиркис, который является львовским гражданином. Тайчадин назван в документе «*filius quondam Iwanis et gener Sirkis, civis Lemburgensis*». Очевидно, Сиркис поселился в Львове задолго до армянской катастрофы.

В «старейшей книге львовской», представляющей собою записи решений городского суда, мы имеем еще ряд свидетельств, относящихся к 80-м г. XIV в., об армянах во Львове—выходцах из Крыма.

Под 1382 г. упоминается лавочник Антонин из Солхата, который продает свою лавку Григорию, зятю армянского священника. Далее, в 1386 г. в суде выступает Лазарь,—армянин из Кафы³, который продал в кредит пять с половиной камней шелка

---

¹ In civitatem Caffa ad quamlibet ecclesiam catholicam assignavit per unam sexagenam.

It. in Caffa est una ecclesia catholica retro ecclesiam sancti Francisci, ubi se Christiani flagellare solent, cui etiam assignavit duas sexagenas. Czolowski p. 94.

² Predictus Tayczadin habuit apud Chodza Manzur, cive in Caffa, LX sexagenas franconicas... 20 sexagene debent recipi iterate de predictis LX sexagenas, que sunt apud predictum Chodza Manzur dum in Lemburgam adducentur. Czolowski № 571.

³ № 388.

Ивану—сыну Григория и Амиру. Продавец заявил, что покупатели погасили долг.

Наконец, в 1388 г. мы встречаем некоего Шададина из Кафы, по-видимому, тоже армянина, так как в суде выступает армянский толмач Качарис¹. Шададин дал в долг 30 марок грошей Петру Реддушу.

Армянская колония в Львове в последней четверти XIV в. многолюдна и зажиточна. Создается впечатление, что армяне уже прочно обосновались в городе, обзавелись домами. Страницы Судебной книги пестрят делами о продажах, покупках и закладах армянами домов (*domus*) и участков (*hereditas*), городской земли и лавок (*instita*). При этом сделки свершаются очень часто между армянами. Продавцы недвижимостей тоже армяне, которые уже владели до этого известное время домами и участками. За время с 1382 по 1389 гг. "можно насчитать около 40 дел, число их, вероятно, больше: мы учитывали только записи, где стороны прямо названы армянами.

Записи уже первого года (1382) фиксируют несколько таких сделок. Первая же запись в книге от 12 марта 1382 г. гласит, что двое армян—братья Аслан и Абрам продали свой дом некоей Анне, дочери Девета Якова, армянина. Несколько месяцев спустя, 10 сентября, Анна снова явилась в суд и просила восстановить купчую², погибшую во время пожара города. Анна владела этим домом и участком свыше 6 лет. В сентябре 1388 г. она продала землю со всеми постройками православному священнику Симону (*Symoni, sacerdoti Rutenali*)³. Но нас интересует вопрос, когда купили дом его первые владельцы Аслам и Абрам. Это неизвестно, но весьма вероятно что в конце 70-х гг., а может быть и раньше, так как в городской книге, начинающейся в 1382 г., никаких записей об этой сделке нет.

Эти два брата Абрам и Аслан Паноссовичи⁴, продавшие дом Анне, владели еще несколькими домами и участками, 26 июня 1383 г. был наложен арест на все движимое и недвижимое имущество (*super omnia mobilia et immobilia et hereditates*) Аслана⁵. В тот же день брат Аслана Абрам продал большой участок земли в 8 плугов (*octo fluagum*). Когда же были приобретены ими эти земли и участки? Очевидно, до момента, когда была начата книга, т. е. до 1382 г., так как в нашей книге никаких записей об их приобретении не имеется. Через два года, 9 августа 1385 г., после постигшей его катастрофы Аслан Паноссович в компании с дру-

¹ № 576.

² Czolowski № 1^a, 38.

³ № 660.

⁴ В записи № 38 от 10 сентября 1382 г. (относится к этому же делу) Аслан и Абрам названы братьями; в записи № 98 от 26 июня 1383 г. встречается *Asslan Armenus filius Pannossi*. В № 104 от 26 июня 1383 г. упомянут *Abraham Panosowicz*. В № 297 от 9 августа 1385 г. назван *Aslan Panosowicz*. В № 660 названы оба *Asslan* и *Abgam*. Очевидно, это все одни и те же лица.

⁵ № 98—о причине ареста см. ниже.

гим армянином Амирбеем покупает полдома, опять-таки у армянской семьи—Ивана и Петра, братьев армян, но католической веры, и матери их Мамуш¹. Когда эта семья приобрела недвижимость, тоже неизвестно, но, очевидно, до 1382 г.

В 1382 г. можно отметить еще несколько таких поземельных сделок между армянами. 30 апреля 1382 г. записана поземельная сделка, начало которой относится к предыдущему времени: армянин Амир выкупил в этот день свое наследие (*hereditatem*), заложенное «некогда» (*quondam*) в сумме 11 марок Сахрадну армянину². В июне того же года Охан, армянин, и сестра его Марта закладывают Атабею, армянину, в сумме шести с половиной марок половину своего участка около армянской церкви. Они должны его выкупить в течение 6 месяцев, иначе земля переходит в собственность кредитора³. В том же году в октябре армянин Эмин, брат Стефана ювелира, продает участок, лежащий позади армянской церкви (*retro ecclesiam armenicam*)⁴. Покупатель—тоже армянин по имени Григорий.

Два года спустя упомянутый Стефан, в свою очередь, покупает дом у Иоанна, армянина католической веры⁵. Подобные же записи продажи и заклада недвижимости весьма нередки и в последующие годы. Но когда все эти владения были приобретены их первыми владельцами—продавцами, об этом записей в книге нет. Но то же следует сказать и про записи заклада недвижимости—и тут мы не найдем никаких указаний в предшествующих записях на то, когда владелец, продающий или закладывающий недвижимость, приобрел ее. Вот несколько примеров.

17 августа 1384 г. Абакбарон, армянин, зять покойного монетных дел мастера Ивана, берет 20 марок грошей у Богдана, нынешнего монетных дел мастера и в качестве обеспечения ссуды предлагает два своих дома (*duas domus suas racione vadii proposuit*)⁶. У нас имеются данные, как этот Абакбарон со своей матерью Мамуш, «госпожой вдовой покойного Ивана» (*domina Mamosch relicta quondam Iwanis monetarii*), ликвидировали впоследствии 10 марта 1389 г. свои городские владения или по крайней мере часть их: «наследие свое от границы владений Михаила, городского нотариуса до Галицкой дороги (*viam Haliciensem*) со всеми домами и строениями там находящимися» они продали этому нотариусу за 22 копы грошей⁷.

Но как и когда были приобретены покойным Иваном, городским монетных дел мастером, эти владения, мы не знаем, все это происходило до 1382 г. Можно сказать, нет ни одного случая

---

¹ № 297.

² № 15.

³ № 21.

⁴ № 42.

⁵ № 169.

⁶ № 189.

⁷ № 729.

продажи армянином дома или иной недвижимости, о которой свидетельствовала бы запись, указывающая, когда и как эта недвижимость была в свое время приобретена продавцом. Отсюда можно сделать только тот вывод, что городское армянское землевладение сложилось уже до 1382 г. Могло ли оно сложиться за тот короткий промежуток времени, который протек от катастрофы в Малой Армении до этого момента? Едва ли. И это вызывает некоторые сомнения в том, что появление армян на торговых путях из Черного к Балтийскому морю связано с падением малоармянского царства.

Городская книга по самому своему характеру может дать нам только случайные сведения по торговле Львова, и в частности о торговой деятельности армянского купечества. На страницы книги попадали только спорные дела, невыполненные обязательства, т. е. факты, выходящие из рамок нормального течения торговых дел. Но несмотря на это, в этих материалах все же можно найти достаточно данных, чтобы составить себе довольно конкретное представление о львовском купечестве и его торговой деятельности.

Значительную часть львовского купечества составляли проживавшие во Львове армяне. В городской книге иногда армянин называется (*institor*) лавочником. Среди записей сделок на недвижимость нередко встречаются записи о продаже и залоге лавок, принадлежащих армянам. Уже это обстоятельство указывает на то, что торговля занимала большое место в хозяйственной жизни армянской колонии во Львове. Записи эти начинаются на первой же странице городской книги с первого года ее ведения. С некоторыми из них мы уже познакомились в несколько иной связи. Можно привести еще несколько примеров.

Владельцем лавки (*institor*) является Антон из Солхата. 10 сентября 1382 г. он продает свою лавку¹ (*institam suam*). В тот же день был наложен арест на дом и лавку Сета, армянина². Саркиз, армянин покупает, лавку у некоего Фильхатера (19 сентября 1393 г.)³.

Иван (*Hannos*), сын лавочника Левона (*Lewonis*), продает свою лавку Сараю (*Saray*), сыну Оруса (8 июня 1384 г.)⁴. Покупатель тоже является армянином.

Абед продает свою лавку⁵ Якову, армянину.

Степан, армянин, зять Богдана, закладывает свою лавку 9 сентября 1385 г.⁶

¹ № 36.

² № 37.

³ № 110.

⁴ № 175. Ср. № 335: *mater Saray Armeni* Ор, тоже армянин, владелец лавки (№ 195 и № 695). Сын его Атабей назван армянином: «*Athabey armenus filius Ori*» (№ 21). Упомянута лавка Ора (№ 478): *ex opposito instite Orus jacentem*.

⁵ № 478.

⁶ № 299.

В книге зафиксировано несколько случаев, когда вдовы лавочников армян продают лавки своих покойных мужей.

Эрбит, армянин, покупает лавку у Саймнелик вдовы Иолбея, лавочника армянина, католика (30 марта 1383 г.)¹. Константин, армянин, приобретает лавку (institam) у Елизаветы, жены Льва (Lawoni), армянина (17 мая 1385 г.)².

Среди армян имеются и ростовщики, дающие займы под заклад домов. Таким, например, является Мурад, армянин. В 1382 г. он налагает арест на «дом и лавку» некоего Сета, армянина в сумме 16,5 марок³. В следующем году он в результате такой ссудной операции оказывается временным владельцем загородной армянской бани, переданной ему в заклад в сумме 30 марок неким Иоанном Амиром, армянином⁴, Кредитор будет пользоваться доходами с нее, пока ими не будет погашен долг.

В 1388 г. Мурат наложил арест на все имущество, движимое и недвижимое некоего Ивака, зятя Ивана, монетных дел мастера, в сумме 19 марок⁵.

Но, конечно, гораздо интереснее этих данных, свидетельствующих о большом и деятельном участии армян в мелкой розничной внутригородской торговле, являются данные, рисующие внешне-торговые, иногда весьма отдаленные и широкие связи львовского армянского купечества.

В какой мере армянское купечество является связующим звеном между причерноморскими странами и западноевропейскими, в частности насколько и каким образом связано оно с торговыми центрами Прибалтики и центральной Европы?

Конкретные данные о торговой деятельности армянских купцов дошли до нас от конца XIV и всего XV вв. из ряда молдавских и польских городов на черноморско-балтийском пути. Особенно интересны, конечно, сведения, рисующие армянских купцов как посредников в европейско-азиатском торговом обмене. Правда, для XIV в. об этих торговых связях мы можем судить по очень отрывочным данным. В нашем распоряжении нет непосредственных записей торговых сделок как между горожанами Львова, так и с иногородними купцами. Но можно полагать, что именно торговые операции лежали большей частью в основе тех дел по долговым обязательствам, которые вели иногородние купцы против львовских горожан в львовском городском суде. В некото-

¹ № 151.

² № 270.

³ № 37.

⁴ Hannos Amyr balneam stubam suam armenicalem foris civitatem jacentem ratione vadii proposuit.

⁵ Там же, № 564.

Любопытно упоминание в городской книге об армянах—монетных дел мастерах. Под датой 17 августа 1384 года (№ 189) упомянуты два мастера. Абакбарон, армянин, зять покойного монетных дел мастера Ивана, берет деньги у Богдана, нынешнего монетных дел мастера. Жена Ивана, очевидно, армянка, она носит армянское имя Мамуш. К сожалению, у нас нет данных для суждения об экономическом положении этих монетных дел мастеров.

рых, очень, правда, редких, случаях на это имеются прямые указания. С них мы и начнем.

В этих судебных спорах и тяжбах мы имеем отражение двух направлений львовской торговли: по черноморско-балтийскому пути и по большой трансевропейской сухопутной магистрали— Львов, Краков, Вроцлавль, Лейпциг, Франкфурт или Лейпциг, Кельн, Брюгге.

С двумя городами, лежащими к западу и северо-западу от Львова—Краковом и Торунью, львовское купечество поддерживает наиболее оживленные связи.

Торговые операции в конце XIV в. армян с немецкими и польскими купцами хорошо засвидетельствованы в источниках. Армяне оказываются в числе клиентов (контрагентов) купцов из западно-польских и немецких городов, Кракова, Торуня.

Армянин Аслан Паносович в 1383 г. должен большую сумму денег—100 марок некоему Николаю Клеппелю из Кракова¹. В лице Клеппеля перед нами, несомненно, краковский купец, ведущий дела со Львовом и далее через Львов с молдавскими городами. Так, в 1382 г. он наложил арест в сумме 11 марок неуплаченного долга на партию кож Иоганна Циммермана из Серета.

В положении кредитора, взыскивающего долг с купца из Кракова, оказался другой армянин Богдан Хорович, налагавший в 1382 г. арест на товары краковского купца Мартина Варшаву в сумме 20³/₄ марок. Характерен товар, взятый в залог, это нидерландская ткань аррас, саржа зеленого цвета².

Очень отчетливо выступают непосредственные торговые связи львовских армянских купцов с купцами Торуня. Владелец бани армянин Амир, он же мыловар, закупает в кредит нужную ему для варки мыла ворвань у торуньского купца Иоганна Гольдберга³. Уполномоченный Гольдберга Петр Финстер вследствие неуплаты долга в сумме 5 марок налагает арест на баню.

Следует отметить, что нередко купцы как с той, так и с другой стороны объединены в небольшие товарищества.

Совместно ведут торговые операции львовские купцы Фричко де Смотрич, член городского совета, и Гендзил Гозил⁴ с Торуньским товариществом Иоганна Бобирау и Иоганна Париса⁵. Долг Фричко Торуньскому товариществу в момент его смерти составлял 155 прусских марок. Расплачиваться по этому долгу пришлось уже его вдове Маргарите и компаньону Гендзилю Гозилю. Долг они погасили, выплатив 48 коп грошей (sexagena) деньгами и на 50 коп грошей поставив 194 кожи и 40 камней имбиря.

Львовский армянин Петр Буха, по-видимому ведущий дела с другим армянином Хазаром Толмачом (Kaczeris Tolmacz), мо-

¹ № 98.

² № 148.

³ № 512.

⁴ 479.

⁵ 479.

жет быть, в компании с ним, осенью 1386 г. (3 августа) должен Иоганну Парису из Торуня 90 коп грошей с обязательством уплатить долг к Рождеству. В качестве залога был отдан дом Бухи под поручительство Хазара Толмача. Весьма вероятно, это обязательство возникло в результате закупки Бухой партии товара у Париса. Именно таков характер сделки, записанной в следующем году. По словам Хазара Толмача, 19 июня 1387 г. Буха закупил в кредит партию сукна у Винке Геркона, горожанина из Торуня, а именно 27 штук сукна по цене 11 фердингов и 1 лот (loto?) за штуку. В обеспечение этой суммы (гасионе вере ригнорис) был отдан залог—дом Петра Буха и Хазариса Толмача. Если Буха придет раньше, то и долг будет погашен до срока¹.

Можно проследить дальше на северо-запад до самого Балтийского моря эти торговые связи армянских купцов. Данные, правда, довольно скудные имеются в торговых книгах Тевтонского ордена. Орден через своего представителя в Львове ведет дела с двумя армянскими купцами—«Иваном Малым армянином, гражданином Львова», который в 1400 г. должен Ордену за два с лишним камня янтаря $2\frac{1}{4}$ марки, и с Иваном Большим, тоже армянином, львовским горожанином, который купил у Ордена 20 камней янтаря, всего на 15 марок².

Кроме того, был дан кредит некоему Димитрию, армянину, в Львове в сумме 6 коп грошей в счет поставки партии пушины³.

Орден в 1399 г. и 1400 г. продает янтарь во Львове некоему Иоганну Тройшину. Операции эти довольно подробно записаны в книге Ордена⁴. Тройшин, несомненно, гражданин Львова, но он не назван армянином в наших документах, поэтому материал о нем можно привлечь только после проверки.

Имеющийся в нашем распоряжении материал не содержит больше сведений об армянском купечестве во Львове в XIV в. Несравненно больше данных имеется о нем для XV в., но их обработка уже выходит за рамки настоящей статьи.

Переходим к характеристике немецкого купечества Львова. Его связи с востоком и юго-востоком выступают в документах менее рельефно, нежели связи армянских купцов, зато сношения с западом обрисовываются очень отчетливо. Среди клиентов, ком-

¹ № 397; 3 августа 1386 г. Хазарис Толмач выступает поручителем за Петра Буха армянина (Petrus Buha armenis) перед Иоганном Парисом, горожанином Торуня (Johanni Parys, civis de Thorin), в сумме 90 коп грошей (rutenicalis pagamentis). Богдан (advocatis armenorum) признал, что дом Петра Буха дан Хазарису в залог за эти 90 марок. Выше сумма долга обозначена так: 90 sexagena, значит marca=sexagena.

² Iwan Kleine eyn Ormenige; ein bürger in der Lemburg, tenetur 2 steyne vernis unde 8 bezemer. Den steyn vor 50 gl. Summa 9 fer ding. Iwan Grosse eyn Ormenige in der Lemburg eyn bürger tenetur 20 steyne vernis, den steyn vor 3 ferdig. Summa 15 mark. Sattler. Die Handelsrechnungen des Deutschen Ordens. Leipzig 1887, S. 254.

³ Dimitre eyn Ormenige czur Lemburg eyn Bürger 6 schog gl. 1 gl. считает равным 8 пфеннигам. Там же, стр. 254.

⁴ Sattler S. 136—137.

паньонов, должников и кредиторов львовских купцов мы встречаем горожан из Кракова и Торуня.

Тесно связан с Львовом торунский горожанин Иоганн Грозе. Это прежде всего связи семейного характера. Четыре его сестры вышли замуж за львовских горожан. В львовском суде рассматривалось дело о его наследстве между его братом и этими четырьмя сестрами¹.

Сохранилась запись о процессе Грозе с львовчанином Николаем Корнехиным, которому Грозе ссудил 50 коп грошей. Условия этого долгового обязательства изложены в источнике не вполне отчетливо. Из этих 50 коп грошей Николай Корнехин должен уплатить 15 коп гр. при жизни, а 20 коп гр. дать по смерти Грозе некоему Николаю Боче². Но далее указано, что Грозе наложил арест (*interdixit*) на имущество Корнехина в полной сумме долга. Помимо этой ссуды в 50 коп Корнехин взял у Грозе какую-то сумму под заклад сукна, а именно 4 штуки эйдингенского сукна, стоимость которого не обозначена. Ввиду просрочки погашения долга Грозе получил право продать товар—это, собственно, только и указано в записи³.

В свою очередь, долговыми обязательствами Грозе связан также с другими львовскими горожанами, в первую очередь, с Николаем Больче или Боче (*Nicolaus Bocze* или *Bolcza*)⁴.

В счет своего долга Иоганну Грозе вышеупомянутый Николай Корнехин должен уплатить Больче 20 коп гр. Другие кредиторы Грозе требуют с Больчи уплаты причитающихся им от Грозе сумм. Так, некий Ганс Крамер, ссудивший Грозе полмарки, наложил арест на имущество Грозе, находившееся у Больче⁵. Петр Шульце заявляет свою претензию на 15 марок, уплаченных Николаем Корнехиным Грозе в счет погашения своего долга.

Тот же Николай Корнехин является должником другого торунца Павла Реузе (*Paulus Reuse*). Он должен небольшую сумму—7 марок (*7 mark ruthenalis pagamenti*)⁶, на которую полно-

¹ Брат Иоганна Грозе, Петр Шульце (*Petrus Scholtis*), обязуется выплатить четырем сестрам покойного Грозе или их мужьям, причитающуюся им долю наследства, а именно 48 коп. гр. (*Sexagena grossorum*). Из них 8 коп гр. передается церкви девы Марии во Львове, 16 коп Шульце выплачивает немедленно, 12 коп на ближайший праздник Троицы и 12 коп на Михайлов день (29 сентября). № 689 и 701. Некий Ганс Шмикфиль поручился за своевременную передачу церкви Марии следуемые ей 8 коп. гр. (В документе сумма названа не 8 *sexagena grossorum*, а 8 *marc grossorum*. № 701. Известны имена трех из четырех зятей Грозе. Это Иоганн Клейбер (*Johan Cleuber*), Петцольд из Фрауенштадта (*Paczoldus de Frawenstat*) и Ганс Крегер (*Hans Kregger*), муж Екатерины (№ 675). Последний удостоверяет получение своей доли—12 коп гр. (неясно, однако, из очередной ли части в 12 коп гр. или же вся доля наследства составляла 12 коп грошей (№№ 675, 701).

² № 415, ср. № 450, где Грозе обозначен как умерший.

³ № 455.

⁴ № 415.

⁵ № 540.

⁶ № 450.

моченный Реузе во Львове, некий Варфоломей, наложил арест на имущество Корнехина¹.

У Реузе имеется еще должник во Львове—Ганс Тымич (Hans Tymucz). Он должен 21 марку (21 marc grossorum usualium ruthepalis pagamenti), в силу чего Варфоломей 20 марта 1387 г. наложил арест на его дом и два лана земли (domus, duos laneos)².

Генрих Полан из Торуня кредитует молдавских скорняков, может быть торговцев пушниной, живущих во Львове. В один день, 14 апреля 1385 г., он через львовский суд наложил три ареста: во-первых, на «имущество и товары» (super omnia bona et mercimonia) (следует обратить внимание на это обозначение объекта ареста) некоего Ансельма Сартора из Молдавии (Henselmi Sartori de Moldavia) в сумме 4 коп грошей (cum 4 sexagena grossorum), причем точно обозначен товар—две тысячи беличьих шкур (2 milia nigri operis per nigrum electi—смысл этих последних трех слов не совсем понятен³), затем на добро и товары некоего Вернуша из Молдавии (Ruffi Wernuschi de Moldavia) тоже в сумме 4 марок⁴ и, наконец, на все находящееся в городе имущество (super omnia bona intra civitatem existentia) Генриха, скорняка из Молдавии, в сумме 10 марок и одного фердинга⁵.

Должниками Иоганна Полана оказались еще два львовских горожанина, по всей вероятности купцы, так как арест налагается им «на все их добро и товары» (super omnia bona et mercimonia)⁶. Это Николай из Варнова и Герман Моноккули (Nicolaus de Warpow et Hermanus Monocculi), которые должны всего в сумме 17 марок. Товарищество Варнов—Моноккули, по-видимому, сильно запуталось в долгах, так как, помимо Полана, с него взыскивали долги еще три кредитора, из них два иногородних. Первым был Иоганн Эдерер из Кракова⁷ в сумме 68,5 марок, арест на имущество он наложил 12 апреля 1385 г.⁸, а второй кредитор из Торуня—Кунко Юнгилькус (Kuncke Jungilcus) в сумме 11¹/₄ марок. Из торуньских купцов этот Кунко Юнгилькус родственными узами связан с львовскими армянскими кругами: армянин католической веры Саркич (Sirkys catholicus) является его зятем⁹. Из торуньских купцов Юнгилькус имеет, пожалуй, наибольшее число должников из Львова, он является также доверенным лицом городского управления Львова. Так, вместе с Саркисом он получает от торуньского горожанина Иоганна Роте 124 марки 10 скот, причитающиеся городу (124 marc 10 scot pruthenicalis pagamenti)¹⁰.

¹ № 452.

² № 449.

³ № 256.

⁴ № 255.

⁵ № 257.

⁶ № 254, 14 апреля 1385 г.

⁷ № 251, нем см. ниже.

⁸ № 258.

⁹ № 371, 27 апреля 1386 года.

¹⁰ № 82, 18 февраля 1383 года.

Он кредитовал в сумме 13 марок львовского ратмана Петра Бруна (*dominus Petrus Brun*) и его компаньона Николая Пачкона, кузнеца (*Nicolaus Paczkonis*). С них же он взыскал еще 14 марок в счет их долга в сумме 36 марок другому торуньскому горожанину Готтке Аллену¹. За Пачко имелся еще долг 17 марок 1 фердинг, и на его имущество был наложен арест².

Известный уже нам купец Руф Вернуш из Молдавии тоже должен Юнгелькину сумму в 44 марки, и на его имущество и товары 14 апреля 1385 г. был наложен арест³. Может быть, Юнгелькин ведет торговлю хлебом и таким именно путем его должником оказался львовский пекарь, пекарню которого он получил в залог за ссуду в 24 марки⁴.

Наконец, Юнгелькин становится львовским домовладельцем. В апреле 1385 г. он покупает дом у вдовы некоего Фридлона (*Fridlonis de Kancerer*)⁵, а в 1387 г. еще один дом у Николая Фокса⁶.

Львовское товарищество Иоганна Гранде и Иоганна Поршлегея (*Johannis Grande u. Joh. Porsleger*) было связано долговыми обязательствами с двумя торуньскими купцами, Иоганном Каленом в сумме 84 прус. марок⁷ и Альбертом Ребером в сумме 160 прусских марок. Последний—довольно видная фигура в торуньском деловом мире. Семья Реберов вела оживленные торговые операции с Фландрией.

Эти деловые связи львовских горожан с Торунью можно представить в нижеследующей табличке где, черты, соединяющие фамилии, указывают на эти связи, а цифры—номера записей в городской книге (см. стр. 50).

Деловые связи Львова с Краковом слабее отражены во львовских судебных решениях. Можно насчитать лишь три-четыре лица из краковчан, упомянутых в судебной книге, которые имеют по нескольку должников среди львовских горожан. В редких случаях отчетливо видно, что дело идет о долговых обязательствах купцов.

У краковчанина Эдерера целый ряд должников во Львове. Эдерер, несомненно, купец, который ведет торговые операции в компании с неким Николаем Пульцером (*Nicolaus Pultzer*). Оба они назначают уполномоченного, Якова Шталя (*Jacobus Stal*), который «должен вести все их дела, взыскивать и принимать их долги и оперировать их товарами» (последнее указание особенно важно)⁸.

¹ № 83, 18 февраля 1383 года.

² № 62а, 7 января 1383 года.

³ № 259, 14 апреля 1385 года.

⁴ № 438.

⁵ № 358.

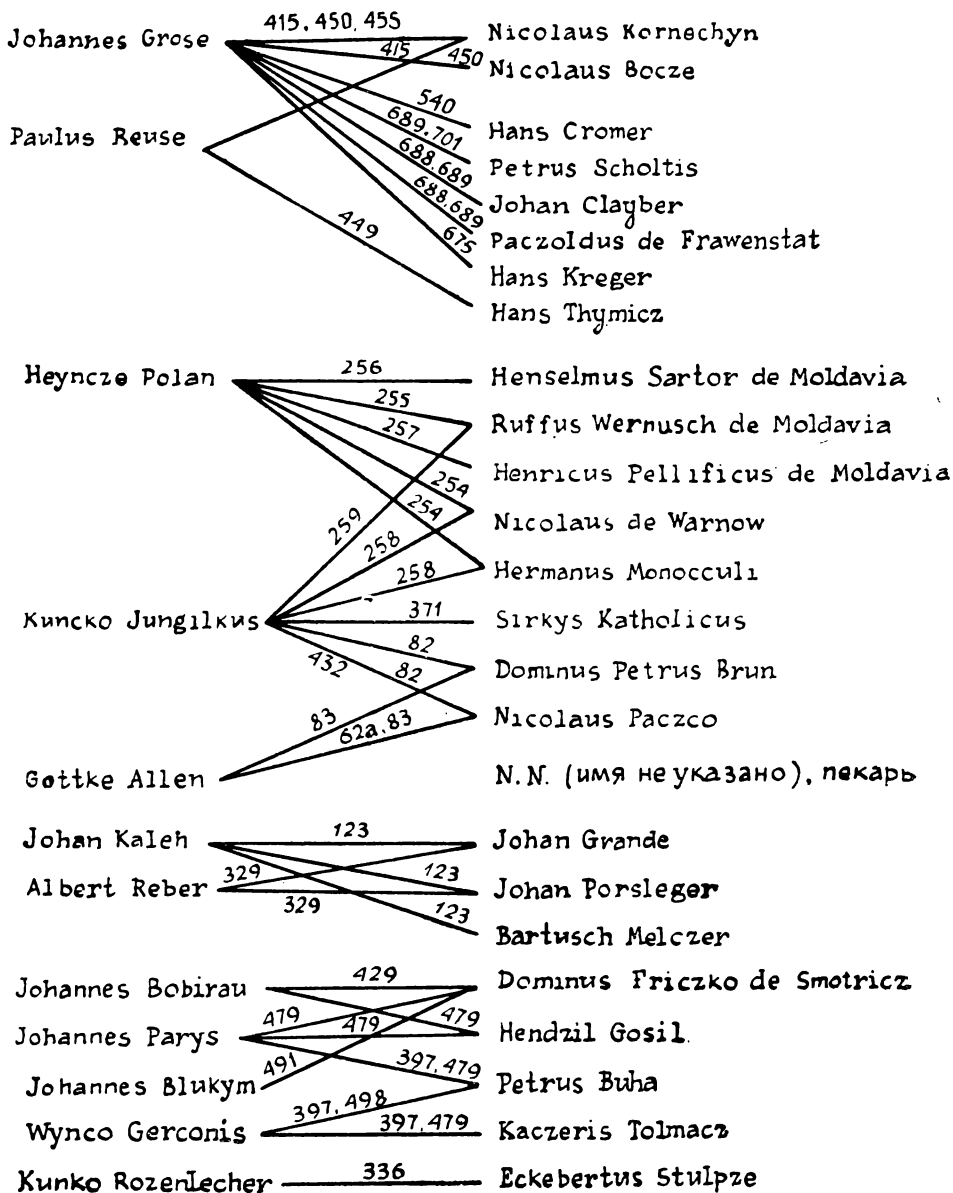
⁶ № 530.

⁷ № 123, 4 ноября 1385 года.

⁸ *Ad exigenda repetenda et acceptanda omnia et singula sua debita ac eorum mercimonia exercenda*. № 362. Ср. №№ 464 и 580., где Шталь назван в документе «служгой Эдерера» (*servitor Johanni Edereri*).

Торуньские горожане

Львовские горожане

Шталь выступает уполномоченным еще и третьего купца—Иоганна Ориента¹, главным образом «по получению и вымогательству долгов».

Среди должников Эдерера мы встречаем уже знакомое нам по его деловым связям с Торунью львовское торговое товарищество—Николая из Варнова и Германа Моноккули², «на добро и товары» (bona et mercimonia) которого Эдерер наложил арест. Сумма долга—68½ марок.

С Краковом оказывается также связанным другой львовский купец, которого мы видели в числе должников Павла Реузе—это Ганс Тымич. Он должен Эдереру довольно большую сумму—57½ марок, и на его движимое и недвижимое имущество (bona mobilia et immobilia) налагается арест 20 марта 1387 г.³ Через год Тымич снова в долгу у Эдерера (22 марки) и предлагает ему в обеспечение долга (ratione veri vadii) все свое имущество⁴, на котором лежит еще старый долг торуньцу Павлу Реузу (Reusse).

Иоганн Тивиен (Johan Thyvien) должен Эдереру тоже 57½ марок⁵. Может быть, это одно и то же лицо, что и предыдущее, и издателем городской книги неверно прочитано имя.

Из числа других львовских должников некий Шликкенфиль задолжал Эдереру 30½ марок⁶. Есть и мелкие должники на 8, 5 и 3 марки⁷.

С Краковом связан львовский горожанин Эгберт Штульпце, который, оказывается, имеет обязательства в трех городах. В Торуню он должен Розенклехеру 21½ марок, 9 грошей⁸ и в обеспечение долга заложил земельный участок (lanam). В Кракове он должен двум купцам—Иоганну Ориенту, который наложил арест на все владения (hereditas) Штульпце в сумме 42 марок⁹, и другому краковчанину Антику Дорнеру, которому был уплачен долг 8½ шиллингов¹⁰. В Вроцлавле у Штульпце были должники, так как платеж Дорнеру был произведен за счет Штульпце горожанином Вроцлавля Антиком Глязером¹¹, вероятно, в счет погашения долга Николая Глязера, очевидно, родственника Антика), Эгберту Штульпце в сумме 36 коп грошей¹².

---

¹ Ad repetendum, exigendum et extorquendum omnia et singula sua debita. (№ 580. 4 марта 1388).

² Nicolai de Warnawe, et Hermani Monoculi sociorum (№№ 251a, 251b 12 апреля 1385).

³ № 449.

⁴ № 561, 5 февраля 1388 г.

⁵ № 243, 22 марта 1385 г.

⁶ № 242, 22 марта 1385 г.

⁷ № № 324, 464, 48.

⁸ № 336, 24 января 1386 г.

⁹ № 321, 18 ноября 1385 г.

¹⁰ № 634, 26 июня 1388 г.

¹¹ № 634, 26 июня 1388 г.

¹² № 579, 4 марта 1388 г.

Кредитором нескольких горожан Львова, иногда, может быть, только уполномоченным других краковских кредиторов, является Иоганн Ориент.

В одном случае можно проследить все печальные для львовского должника последствия операции. 20 апреля 1384 г. Ориент наложил арест от имени (*ex parte*) другого краковчанина Винке Данчка на дом Иоганна Гранде. Сумма долга 54 марки¹. В августе 1385 г. Ориент, очевидно, за неуплатой долга, получил право продать дом², а в феврале 1386 г. записана продажа этого дома Ориентом некоему Николаю Болчу (*Nicolaus Bolcz*), причем отмечено, что дом этот достался Ориенту в качестве залога за ссуду в 54 марки³.

Ориент дал еще ссуды в 30 коп грошей Михаилу Седельнику⁴, 17 марок Якушу Крейценбергу⁵ и за три марки наложил арест на лавку некоего Ивана, брата Никиты⁶. Вторым кредитором этого Ивана, брата Никиты, является другой краковчанин Теодорик, внук Валентина, который ссудил Ивану 8 марок без одного фердинга, т. е. $7\frac{3}{4}$ марок⁷.

Этот же Теодорик кредитует еще и другого львовского торговца, Николая Фейша, который заложил ему и не выкупил три штуки сукна в обеспечение долга в 7 марок⁸.

По-видимому, с краковским мелким торговцем сукном имеем мы дело в лице Николая, сына Григория. Он назван лавочником⁹. Он заложил во Львове 4 штуки английского сукна Гансу Клопперу¹⁰, а другую партию сукна (сорт и количество не указаны)—краковчанину Генриху Пеуту (*Henricus Peuth*)¹¹.

Кредиторы ввиду неуплаты долга получили право продать сукно (*omnia jura peregit sic, quod ipse ea potest vendere pro suis debitis*). Еще до этого на «все имущество» Николая был наложен арест его краковским кредитором Николаем Эгиди в сумме 31 коп грошей¹². Не вполне ясно, почему долговые обязательства между краковскими горожанами рассматривались в львовском совете.

Помимо рассмотренных случаев, можно составить следующий список львовских должников краковским кредиторам.

---

¹ № 200, 20 апреля 1384 г.

² № 300, 23 августа 1385 г.: «*omnia jura cum domo Grande Johannis perfecit et complevit ita quod eam vendere potest*».

³ № 356, 22 февраля 1386 г.: «*de jura racione veri pignoris pro 54 marcis grossorum polonicalium*».

⁴ № 581.

⁵ № 445.

⁶ № 396.

⁷ № 395.

⁸ № 468, 17 апреля 1387 г.: «*3 stamina de Zythavia pro 7 marcis grossorum usualium*».

⁹ № 380.

¹⁰ № 454, 27 февраля 1387 г.

¹¹ № 523, 4 сентября 1387 г.

¹² № 527, 16 мая 1386 г.

Львовские должники	Краковские кредиторы	Сумма долга	Источн ик Czolovski №№
Petrus Bach	Nikolaus de Cracovia	3 marc	52
Petrus Volmar	Folpuinus de Cracovia	4 marc	158
Hancō Schwarz	Folpuinus de Cracovia	4 marc	158
Nicolaus Mengeburg	Nicolaus Schonecromer	4,5 marc	122
Petrus Fynster	Nicolaus Schonecromer	4,5 marc	211
Petrus Curtus	Petrus balneator de Cracovia	8 sexagena	27
Nikolaus Opaczko	Johannis Czolner	20 sexagena	125
Hans Ryme	Nicolaus Freyensteter	23 marc	305
Johannis Balzant	Wolffhart Pyzicz	38 sexagena	66
Johannis Czymmirman	Nicolaus Cleppel	11 marc	41
Asslan filius Panos-si	Nicolaus Cleppel	100 marc	98
Sczirbey	Nicolaus Cleppel	7 marc	208

Мы собрали и рассмотрели данные о торговле Львова по черноморско-балтийскому пути и в направлении к Центральной Европе, содержащиеся в его судебной книге конца XIV в., в сущности, единственном источнике, в котором можно найти конкретные данные по этому вопросу. Эти данные приводят не столько к определенным выводам, сколько побуждают исследователя поставить новые вопросы. Дело в том, что они не вполне подтверждают, а может быть, при известном толковании их, даже опровергают установившееся и общераспространенное представление о Львове как о крупнейшем центре транзитной торговли, особенно процветавшей в XIV веке и пришедшей в некоторый упадок в XV и XVI вв. Мы отметим следующие моменты.

Казусы по чисто торговым делам сравнительно редко встречаются в судебной книге. Круг заинтересованных лиц невелик. Создается впечатление, что торговая жизнь идет вяло. Торговля особенно большого места в жизни города не занимает. Но можно сделать и обратный вывод. Конфликты и тяжбы редки, потому что торговля течет по хорошо уже и прочно установившемуся руслу, связи давно налажены, нормы, и правила, и обычаи установлены. Это скорее показатель оживленных и давно сложившихся отношений.

Обращает на себя внимание в источнике и другой момент. Связи с довольно отдаленными пунктами и районами выступают отчетливо, но чрезвычайно характерен мелкий, иногда очень даже мелкий масштаб дел, которые не идут ни в какое сравнение с размахом операций хотя бы в Ганзейских городах, не говоря уже об итальянских. Правда, не всегда по данным, фигурирующим в том или ином судебном деле, можно судить с уверенностью о полных размерах операции. Может быть, это только недоплаченные остатки значительно больших ссуд, закупок, поста-

вок. Но здесь мы подходим к большому и сложному вопросу о масштабах средневековой торговли. Что такое по средневековым масштабам «крупная» торговая сделка, «крупный» купец, «крупный» торговый центр? В связи с этим можно поставить вопрос, на каких, собственно, основаниях зиждется представление о Львове как о крупном центре в юго-восточной части Центральной Европы. Во всяком случае собранные конкретные данные по истории торговли Львова в XIV в. в какой-то степени способствуют решению этих общих вопросов.
